

Татьяна Николаевна Милованова :

Для меня он всегда, на всю жизнь, – Ленинград, город моего военного детства... Детства, оставившего неимоверно тяжелые воспоминания. Наша семья жила в самом центре города. Папа работал на одном из предприятий начальником отдела снабжения. Мама занималась детьми – нас в семье было трое. Когда война началась, старшему, Севе уже исполнилось 17 лет, и он сразу же ушел на фронт, среднему брату Лёве - 14, мне – четыре с половиной года... Немцы начали бомбить город почти сразу же. На улицах города появились аэростаты. И у нас по улице Чайковского, тоже...

К бомбежкам ленинградцы готовились. И я помню, как мы с братом носили ведра с песком на чердак. Засыпали в ящики - для того, чтобы гасить фугаски, для того, чтобы не было пожаров. И жители нашего дома дежурили ежедневно и день, и ночь. Налеты были страшные. А когда немцы разбомбили бадаевские склады, ленинградцы сразу почувствовали нехватку продуктов. В магазинах выстраивались большие очереди. Потом появились карточки. Норма выдачи хлеба постоянно снижалась.

Первым в семье слег папа. Это случилось через месяц после начала блокады. Сначала с работы ему приносили паек такой - в баночке жидкий супчик. На второе что-то типа пюре с такой маленькой очень котлеткой. И этот паек становился все меньше. Мама нас предупредила - не трогать, не подходить к шкафчику, где хранились папины продукты. Но папа вскоре перестал есть. Он умер первым. Теперь мы остались втроем. Есть в семье стали все меньше и меньше. Голод - это то, с чем приходилось бороться каждый день. На рынках уже мало что можно было купить. Мама варила бульоны на одной и той же кости. Этот отвар ели неделями. Соседи варили кровь. Откуда они ее брали, никто не спрашивал. Ее просто запекали и ели. Не считалось постыдным и разделывание кошки.

...Кошку мама подготовила и сделала какие-то очень маленькие тефтельки. Кошка-то тоже была тощая. Без еды. Пришел Лева. Мама говорит, ну, ты хоть поешь. Лева ответил: «Сейчас, я только отдохну». Он лег навзничь на кровать и не проснулся. Так ушел из жизни мой 14-летний брат Лева.

К тому времени чувства притупились, слез уже не было. Тело Левы увезли. И теперь мы с мамой остались вдвоем. Мама надеялась, что нас скоро эвакуируют. И, похоже, эта мысль придавала сил. Но этого не происходило. Как только она перестала верить, ослабла.

...Открываю глаза и вижу, что у мамы на лице белая салфеточка. Так накрывали тех, кто вот-вот умрет. Мы же с ней разговаривали, она только что была живая... И вдруг мамы нет. Умерла... Именно в этот момент пришлось испытать весь ужас потери. Я осталась совсем одна: что же делать, куда идти, как жить? Был март 1942 года...

Еще до смерти мамы, в квартиру, где мы жили, подселили женщину с грудным ребенком. Эта женщина и взялась присмотреть за мной. Так мы и жили до эвакуации.

Ну, а после эвакуации я попала в детский дом в Мстере во Владимирской области. Там меня долго лечили от цинги. Когда нашелся дядя, он забрал меня к себе в Москву. Правда, через год я снова вернулась в детский дом.

По окончании школы приехала поступать в Ивановский педагогический институт, училась на историко-филологическом факультете. В 1976 году поехала в Ленинград на экскурсии. Конечно же, не могла обойти свой дом стороной. Со мной пошла коллега - учительница истории, когда поднялись по лестнице на третий этаж, я остановилась. Она спросила: «Ну, нашла?». Я говорю: «Нашла. Вот наша дверь». Она говорит: «Ну, иди туда, позвони». Я говорю: «Я боюсь». И она пошла со мной. Я не поверила своим глазам. И вот что потом было - коллега потом сказала, что если бы она не видела все собственными глазами, то ни за что бы не поверила в такое: дверь открыла та самая женщина, которую к нам подселили, и она здесь так и жила...